

- норм ужывання дзееспрыметнікавых і дзееспрыслоўных зваротаў (вывучаліся ў 7-м класе);
- норм трывальна-часавай суаднесенасці дзеясловаў-выказнікаў і дзееспрыслоўяў: Атрымліваючы заданне, вучні хутка яго выканалі.

У 9-м класе адбываецца вывучэнне сінтаксісу складанага сказа і канструкцый з чужой мовай, у сувязі з чым вучні знаёмяцца з адпаведнымі сінтаксічнымі нормамі.

У час працы са складаназлучанымі сказами звяртаецца ўвага на правільнае ўжыванне паўторных і парных злучнікаў.

Пасля вывучэння складаназалежнага сказа ў працах вучняў неабходна ўлічваць наступныя парушэнні сінтаксічных норм:

- няправільнае размяшчэнне даданай азначальнай часткі: Мы па кладачцы перашлі праз рачулку, якую нехта змайстраваў са старых дошак;
- няправільны выбар злучніка, злучальнага слова: Я звярнуў увагу на словы, дзе гаворыцца пра павагу да бацькоў;
- ужыванне як аднародных розных відаў даданых частак: Старшакласнікі расказалі пра гульню, у якой прымалі ўдзел і што ім больш за ўсё запомнілася;
- немагаварна падзел частак складаназалежнага сказа: Падрастае малады сад. Што пасадзіў бацька некалькі гадоў назад.

Пасля вывучэння простага і ўскоснай мовы ўлічваюцца адпаведныя парушэнні сінтаксічных норм, якія часцей за ўсё абумоўлены змяшэннем гэтых двух спосабаў перадачы чужой мовы ці ўжываннем у сказах з ускоснай мовай двух падпарадкавальных злучнікаў ці злучніка і злучальнага слова.

Такім чынам, да канца 9-га класа вучні знаёмяцца з усімі граматычнымі нормамі, прадугледжанымі вучэбнай праграмай па беларускай мове, што і ўлічвацца пры праверцы пісьмовых прац.

ЛІТАРАТУРА

1. Вучэбныя праграмы для ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання і выхавання. Беларуская мова. Беларуская літаратура. V–IX класы. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2017. – 116 с.

Семикова К. Н. (Мінск, Беларусь)

ДЕТАЛЬ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Научн. рук. – О. Р. Хомякова, канд. филолог. наук, доц.

Деталь – это мелочи, подробности, которые несут важное значение. Без детали в художественном произведении не будут «жить» вещь, человек, останутся схемой события и отношения, окажется не проявленным смысл текста, будет отсутствовать динамика жизни.

Первая глава романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» начинается с эпиграфа: «И жить торопится и чувствовать спешит» [3]. Это строки, которые можно отнести не только к Евгению, но и к Ленскому, и к Татьяне – ко всем героям, в ком чувства не мертвы, для кого они играют роль, решают судьбу. Способность чувствовать – это признак жизни, ее движения. И раз мы наблюдаем феномен движения, можно сказать, что роман Пушкина – о жизни, ее законах, о ее смысле. Поэту важен сам дух времени, воплощенный прежде всего в истории жизни и духовных исканий его героев.

Личность Онегина (в соответствии и с его фамилией) подобна реке, в которой мы не видим начала или конца, но видим что-то между, совсем небольшую часть течения жизни героя. Рисуя образ своего героя, Пушкин подробно рассказывает о среде, в ко-

торой он вырос, о его образовании и воспитании, и в этом писателю во многом помогает художественная деталь. Деталью даются ответы на многие вопросы о личности героя, о сюжете его жизни.

Онегин получил типичное для того времени образование. Его учителем был француз, который, «Чтоб не измучилось дитя, / Учил его всему шутя, / Не докучал моралью строгой, / Слегка за шалости бранил / И в Летний сад гулять водил» [3], то есть воспитывал по своему образу и подобию. Онегин вырос гедонистом, любителем наслаждений, потребителем благ. Весьма поверхностного образования достаточно для того, чтобы «свет решил, что он умен и очень мил» [3]. А на это решение повлияли такие детали внешности и поведения героя, как: «Острижен по последней моде, / Как dandy лондонский оде! / Он по-французски совершенно, мог изъясняться и писал, / Легко мазурку танцевал / И кланялся непринужденно» [3].

Стоит отметить слово «dandy». Дендизм возник в Англии в XVIII – начале XIX века как реакция на возросшую роль в общественной и культурной жизни сословия богатых буржуа и распространился по всей Европе. Онегина, претендующего на роль денди, во многом формирует мода. Как же долго может собираться Онегин прежде, чем выйти в свет? «Он три часа по крайней мере / Пред зеркалами проводил / И из убора свой бы одил, / Подобный ветреной Венере» [3]. Для Онегина важно то, как он выглядит, что заботит только он сам и то, какое впечатление он оставит у других: «Боясь ревнивых осуждений, в своей одежде был педант» [3]. Панталоны, фрак, жилет, предпочитает носить Евгений. «Всех этих слов на русском нет» [3], – признается автор. Не только в образовании Онегина, но и в его облике денди обнаруживается иностранное влияние.

Автор, переживая за Татьяну, подчеркнет, что она попала в руки «модного тирана» [3]. Комната Онегина заставлена всем тем, что сделает его красивым: «Духи в граненом хрустале; Гребенки, пилочки стальные, / Прямые ножницы, кривые / И щетки тридцати родов / И для ногтей и для зубов» [3]. Но в комнате есть и книги.

Мы – то, что мы читаем. Герой пушкинской эпохи – человек читающий и мыслящий. В спорах Ленского и Онегина важно не столько направление, сколько интенсивность их размышлений: «все рождало споры», «все подвергалось их суду» [3]. Создавая образы героев, Пушкин детально представляет круг их чтения. Если говорится о штудировании Онегиным сочинений Адама Смита, то отмечается, что он «был глубокий эконо́м» [3]. Если сообщается о «германском духе» Ленского, то чтение Шиллера накануне дуэли не кажется случайностью, ведь недаром этот писатель вошел в историю мировой литературы как пламенный защитник человеческой личности. Ленский идет на дуэль, полагая, что защищает честь любимой девушки.

Пушкину важно не только то, что читают его герои, но то, как они читают. Здесь вспоминается, и как Татьяна «влюблялась в обманы Ричардсона и Руссо» [3], и как «поэтическим огнем» Шиллера и Гете «душа воспламенялась» [3] у Ленского, и как в кабинете Онегина «чтенью предалась Татьяна / Жадною душой / И ей открылся мир иной» [3], вспоминается и «отметка резкая ногтей» [3], которую хранили страницы, прочитанных Онегиным книг. Именно книги помогут Татьяне в седьмой главе понять, кто же на самом деле объект ее любви. «Ужели подражанье» [3].

Но, пожалуй, лучше многих подобных примеров говорит описание состояния Онегина, ожидающего ответа на свое письмо к Татьяне: «Он меж печатными строками / Читал духовными глазами / Другие строки» [3]. Духовное зрение – вот главное в спорах, чтении, размышлениях, в горьком опыте пушкинских искателей смысла жизни.

С. Г. Бочаров однажды отметил: «Онегин противоречит себе, и он не только не равен себе, но, кажется, не имеет связи с самим собой» [2, с. 116]. И это действи-

тельно так, Онегин – личность весьма противоречивая. Вообще-то отсутствие «связи с самим собой» – свидетельство патологии. Действительно здоровая личность умеет делать две вещи: любить и работать. Однако Онегин не отличается ни одним, ни вторым. Мода дендизма и популярные в то время литературные идылы, как например, Чарльз Гарольд (Байрон сам называет его бездельником, развращенным ленью, который «предназначался отнюдь не для того, чтобы служить примером» [1, с. 8]) и делают Онегина таким, какой он есть. Отчасти он – пародия. Онегин пародирует тех, кого свет легче примет, а другая часть героя – это умный человек, имеющий духовное начало, но который прожигает свою молодость и способности, не желая упорно трудиться, а желая только убить свою скуку легким способом. Это и «наука страсти нежной» и дружба с Ленским, балы – всё от «нечего делать».

В Петербурге свет решил, что Онегин «умен и очень мил» [3]. А в деревне, куда отправился Евгений на похороны своего дяди, «в голос все решили так, / Что он опаснейший чужак» [3]. Деревня и столица – два совершенно разных мира. Евгений не умеет притворяться, расчетливое лицемерие – не в его характере. Поэтому, попав в деревню, он не меняет себя, он даже не скрывает своего безразличия к болезни, а затем и смерти дяди: «...Какая скука, / С большим сидеть и день и ночь» [3]. Автор не раз подчеркивает, что «труд упорный» тошен Евгению. Поэтому и в деревне ведет себя герой так, как ему проще.

В деревне автор уже не описывает наряды Онегина, не вспоминает о его долгих сборах и прихорашиваниях. Евгений захватил с собой лишь то, что всегда у него, как говорится, «при себе» – это его недуг, «русская хандра», которая преследует его повсюду. Обычная болезнь поражает тело, хандра – душу. В душе Онегина нет радости, гармонии, благодати.

В чем же причина болезни души? В начале XIX века полагали, что скука есть болезнь аристократическая. В кодекс светского поведения скукающий взгляд входил как примета изысканности и благородства. Только у плебея, пребывающего в нужде, взгляд зажжен огоньком жадного и нескрываемого интереса. Однако, тоска Онегина – другая, не утонченно-высокомерная, он захвачен другим, несравненно более широким, чем его сословная принадлежность, недугом. Тоска – это бесконечная протяженность пространства, из себя и в себя развернутого, ничем не прерываемого, плоского, равнинно-однообразного. Это тощее пространство, ничем не заполненное, а ведь «тоска» – слово того же корня, что и «тощий». Тощее – это физически пустое, а тоска – пустота душевная. Может, отсутствие любви, незаполненность светлым чувством есть причина недуга? Или же, все-таки неспособность «заполниться» вообще?

Пушкин наделяет своих героев верой в предсказания и приметы.

Недаром, автор обращает внимание на то, что «судьба Евгения хандра» [2]. Не ангел-хранитель, как принято в христианстве, не родители, не Отечество, а именно судьба. Характеристики судьбы в пушкинском мире сплошь негативные: мрачная, бессмысленная, безжалостная, всепоглощающая, неотвратимая, слепая. Этим характеристикам соответствуют облики судьбы, в которых она являет себя человеку: смерть, высший суд, божественная воля, слепой случай, хаос. Для Онегина весьма характерен слепой случай. У него нет планов и целей не то, что на жизнь, но и на ближайшее будущее.

Евгений предается хандре и зевоте. Эти детали часто повторяются в тексте. Они сопровождаются «тоскующей и задумчивой ленью». И лишь в восьмой главе, у героя просыпаются чувства. «И постепенно в усыпление, / И чувств и дум впадает он» [3], «В тоске любовных помышлений, / И день и ночь проводит он» [3] Онегин познал чувство любви к Татьяне. А почему он меняется? Почему приходит это чувство? Наверное, это единственный случай, когда автор произведения о лишних людях остав-

ляет «лишнему человеку» надежду. Вначале им «овладело» беспокойство, хоть что-то тронуло его душу. Это была тень убитого им друга. Ведь беспокойство – это уже не признак пустоты и уверенности, что жизнь готова и решена.

Напомним важные детали сна Татьяны. В один из крещенских вечеров, в которые девушки привыкли воровать, Татьяна положила под подушку «девичье зеркало», сняла «шелковый поясок». Ей приснился сон, в котором ее окружают чудовища, среди которых «герой нашего романа» [3]. «Рога и пальцы костяные, / Все указуют на нее, / И все кричат: мое! Мое!» [3]. «Мое!» – сказал Евгений грозно. «Мое» – это слово, которое показывает всю сущность Онегина. Даже влюбляясь в Татьяну, «мое» остается с ним. Татьяна замужем, но Евгений готов вмешаться в чужую судьбу, чтобы ошастливить себя.

Евгений, даже влюбляясь, остается несчастен, с ним остается он сам, но все-таки, герой достиг нового жизненного этапа. Не меняется, это признак движения. Образ героя не завершен. Мы прощаемся с ним, не зная, что произойдет в его жизни дальше. Возможно, автор, говоря о лишних людях, дает «лишнему человеку» надежду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрон, Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда / Дж. Г. Байрон. – М. : Просвещение, 1994. – 560 с.
2. Бочаров, С. Г. Форма плана: некоторые вопросы поэтики Пушкина / С. Г. Бочаров // Вопросы литературы. – 1967. – № 12 – С. 116.
3. Пушкин, А. С. Евгений Онегин : роман в стихах [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин // Русская электронная библиотека. – Режим доступа: <https://rvb.ru/pushkin/01text/04onegin/01onegin/0836.htm>. – Дата доступа: 19.09.2018.

Сержант Н. Л. (Минск, Беларусь)

ПОЭТИКА ОБРАЗА В ЛИТЕРАТУРЕ КИБЕРПАНКА

В эпоху бурного развития техногенной цивилизации XX–XXI вв., широкого внедрения передовых технологий в политическое, военное и культурное состояние социума увеличился интерес к машинной метафорике и в художественном дискурсе. Литературные тексты, манифесты и научные трактаты, обращающиеся к данной проблеме, часто используют машинные метафоры, описывая геополитические и социальные процессы в технических терминах. Символические репрезентации техники отражают и прогнозируют тенденции развития техногенной культуры, воплощают страхи и ожидания, связанные с техникой, проецируя их на технические образы в литературе, кинематографе, массовой культуре. Метафора машины (государство-машина, человек-автомат, человек-робот, судебный механизм и др.), нередко выступавшая как инструмент критики механистической сущности технократических, тоталитарных режимов в антиутопической и дистопийной традиции, могла служить и способом художественной репрезентации идеалов технически совершенного общества будущего (в футуризме, научной фантастике, конструктивизме), что говорит о ее универсальности. В обоих случаях эстетика машинной цивилизации предполагала создание нового образа человека и мира, а также рассмотрение широкого круга вопросов, связанных с понятиями свободы, государства, личности, власти, насилия, прогресса.

Наиболее ярко образы человека-машины и мира высокотехнологичной цивилизации постиндустриального общества получили в литературе кибер-панка – жанре постмодернистской фантастики 1980–90-х гг., существенно повлиявшем на современную массовую культуру (кинематограф, многочисленные компьютерные и ро-